

Д.А. Леонтьев
Г.В. Иванченко

**КОМПЛЕКСНАЯ
ГУМАНИТАРНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

СМЫСЛ

Галина Иванченко

**Комплексная
гуманитарная экспертиза**

НПФ «Смысл»

2008

Иванченко Г. В.

Комплексная гуманитарная экспертиза / Г. В. Иванченко — НПФ «Смысл», 2008

В монографии обоснована новая сфера практического приложения специалистов в гуманитарных науках – комплексная гуманитарная экспертиза (КГЭ). Подробно рассмотрены методологические и методические основания КГЭ, правовые и этические аспекты ее осуществления, соотношение с другими видами экспертиз, требования к экспертам и практика их обучения, в том числе примерная программа повышения квалификации в этой области. Рассмотрены особенности комплексных экспертиз в отдельных сферах социальной практики. Специалистам и преподавателям в области гуманитарных наук (социология, психология, право и др.), работникам государственного управления, судебной и правоохранительной системы, управления образованием, другим заинтересованным специалистам.

© Иванченко Г. В., 2008

© НПФ «Смысл», 2008

Содержание

Введение	6
Глава 1	11
1.1. Общее представление об экспертной деятельности	12
1.2. Место экспертных технологий в постиндустриальном обществе	14
1.3. Специфика комплексной гуманитарной экспертизы	16
1.4. Ценностные аспекты гуманитарной экспертизы	17
1.5. Субъективность и многозначность комплексной гуманитарной экспертизы	19
1.6. Ответственность в ситуации комплексной гуманитарной экспертизы	21
1.7. Значение и особенности личности эксперта КГЭ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьев

Комплексная гуманитарная экспертиза

© Д.А. Леонтьев, Г.В. Иванченко, 2008.

© Издательство «Смысл», оформление, 2008.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

Комплексная гуманитарная экспертиза как форма социальной практики

Понятие «экспертиза» последнее время звучит все чаще и все громче, причем не только в контексте судопроизводства, где оно уже стало привычным, но в гораздо более широком контексте обсуждения законопроектов и оценки принятия управленческих решений. В прессе появились сообщения о том, что Общественная палата готовится к принятию на себя широчайшего спектра экспертных функций. Вместе с тем само понятие экспертизы далеко от однозначного толкования. Не удастся найти определения экспертизы в философских и психологических словарях, хотя о конкретных ее разновидностях упоминается в более специализированных справочных изданиях. Так, уже в Юридическом энциклопедическом словаре (М.: Сов. энциклопедия, 1987) есть статьи «Судебная экспертиза», «Экспертология судебная», «Экспертиза ситуалогическая», «Экспертиза трудоспособности» и «Эксперт», а в энциклопедии «Глобалистика» (М.: ЦНПП «Диалог»; Изд-во «Радуга», 2003) – большая статья «Экспертиза экологическая». Однако осмысление экспертизы вообще – как формы человеческой деятельности, применимой к решению разных задач, – отсутствует. Нет даже более или менее общепринятого определения экспертизы.

В наиболее общем виде экспертиза – это способ анализа причинно-следственных связей, причем по отношению не только к тому, что уже произошло, но и к тому, что ожидается, что должно или может произойти. Ее место, в данный момент в подавляющем большинстве случаев пустующее, – в промежутке между «хотели» (как лучше) и «получилось» (как всегда). Как хорошо известно из любой практики, между даже детально разработанным проектом и реальными результатами его осуществления почти всегда имеются немалые зазоры. В самом простом и безобидном случае эти зазоры сводятся к неверной оценке ресурсов, требующихся для его осуществления. Гораздо хуже, когда результаты реализованного проекта не оправдывают ожиданий или же порождают непредвиденные негативные следствия, ущерб от которых обесценивает полученные результаты.

Конечно, возможности прогнозирования последствий тех или иных действий всегда неполны, ограничены, и эта неполнота тем заметнее, чем сложнее и масштабнее проект. Вместе с тем постиндустриальная цивилизация разработала технологию минимизации расхождений между проектом и результатом в форме экспертизы социальных и производственных проектов и других решений, оказывающих долгосрочное влияние на общество и группы людей.

Экспертиза – сравнительно новое явление, порождение последних десятилетий. Несмотря на растущий интерес к экспертным методам со стороны разных областей практики и заметное число публикаций, до сих пор не было попытки систематизировать, методологически и методически осмыслить разные, нередко довольно субъективные, соображения об экспертной методологии, высказывавшиеся в профессиональных изданиях.

Данная работа не претендует на всесторонний охват всего, что связано с экспертной деятельностью. Для очерчивания ее предметной области необходимо прежде всего различить четыре разные традиции употребления слова «экспертиза».

1. Часто приходится сталкиваться с понятием «экспертный опрос», причем под опрашиваемыми «экспертами» понимаются любые случайные люди, которых привлекли в качестве респондентов. С одной стороны, это методически вполне корректная процедура – например, чтобы ответить, какие чувства вызывает тот или иной кинофильм или другое произведение искусства, надежнее всего опросить какое-то количество людей об их реальных впечатлениях от него, а чтобы определить, является ли некоторое высказывание оскорбительным, полезно

опросить разных людей, восприняли бы они эти слова как оскорбление или нет. Однако называть этих людей экспертами – неточно. Здесь слово «эксперт» оказывается тождественно слову «опрошенный», «респондент», а понятие «экспертиза» тождественно понятию «субъективное впечатление» и ничего к нему не добавляет, кроме избыточного, вряд ли полезного пафоса. Поэтому понятие «экспертиза», использованное в данном значении, скорее дезориентирует.

2. Более оправданно говорить об экспертизе, когда за экспертным мнением обращаются не просто к случайной выборке, а к людям заведомо компетентным или не понаслышке знакомым с объектом анализа. Не случайно понятие «эксперт» происходит от латинского *expertus*, что означает «опытный». Например, если о воздействии фильма спрашивают не просто зрителей, а кинокритиков или коллег-кинематографистов, если о поведении ребенка или его личностных особенностях спрашивают его друзей, родственников и учителей, то есть людей, которые его давно знают, или если о научных проблемах спрашивают людей, обладающих научными степенями, дипломами и другими свидетельствами компетентности в данной отрасли науки, заведомо предполагается, что они могут высказать по этому вопросу более обоснованное суждение, чем случайный респондент. Здесь под словом «экспертиза» понимается выработка относительно компетентного суждения. Разумеется, шкала эта относительна. Нет однозначного ответа на вопрос, будет ли лучшим экспертом в некотором сложном вопросе аспирант, который три года работал над диссертацией по соответствующей теме, или его научный руководитель – академик, хотя априори доверие к академику, безусловно, будет выше на основании его многолетнего опыта и репутации. Итак, об экспертизе правильно говорить, когда мы задаем вопросы не случайным людям, а людям, отобранным по некоторым объективным критериям особой компетентности в рассматриваемом вопросе (в данном примере оба – и аспирант и академик – имеют основания быть отнесенным к таковым). Вместе с тем распространенным заблуждением при таком подходе к экспертизе является признание любой исходящей от них оценки экспертным суждением. При этом игнорируется специфика экспертного познания, которой мы коснемся ниже.

3. В различных сферах практики давно и успешно применяются технологически изощренные методы получения достоверного ответа на узко сформулированный вопрос. Непрофессионал не владеет соответствующими знаниями и технологиями, позволяющими дать ответ, но вооруженные этими знаниями и технологиями опытные профессионалы, если они подходят к задаче беспристрастно, должны дать одинаковый ответ. Эти методы часто называют экспертизами. Таковы, скажем, различные разновидности криминалистических экспертиз (баллистическая, дактилоскопическая, почерковедческая, химическая и биохимическая), генетическая экспертиза ДНК, инженерные экспертизы прочности сооружений и транспортных средств и т. п. Во всех этих случаях речь идет об экспериментально обоснованных процедурах с применением сложных и точных приборов, которые дают однозначный, объективный и истинный ответ на конкретно поставленные вопросы. «Экспертизой» здесь называются умозаключения, которые обоснованы процедурами и инструментами; речь идет фактически об исследовании, которое выполняется по жесткому алгоритму, и эксперт просто применяет известные ему закономерности, однозначно установленные точными науками. Эту специальную деятельность можно назвать отраслевой, или предметной, экспертизой; выполнение ее требует узкой профессиональной специализации именно в данном виде экспертиз. Сюда же можно отнести и виды предметных экспертиз, которые не опираются на инструментальную базу и естественнонаучные закономерности, однако тоже сфокусированы и требуют узкой специализации, например, медицинские экспертизы (экспертиза трудоспособности, профпригодности, годности к военной службе, судебно-психиатрическая), финансово-экономические экспертизы (аудит, экспертиза стоимости активов, экспертиза окупаемости проектов), правовые экспертизы законопроектных, нормативных документов и договоров и др.

4. Наконец, с иной ситуацией мы сталкиваемся при рассмотрении последствий тех или иных ситуаций для людей в социальной практике. Необходимость ее возникает, когда задаются вопросы относительно действий и переживаний людей – или вопросы о возможных действиях и переживаниях в тех или иных ситуациях, или вопросы о последствиях тех или иных действий (в том числе высказываний) и переживаний. Примером может служить социальная экспертиза управленческих решений под углом зрения их последствий для людей, экспертиза образовательных программ и учреждений или экспертиза слов и текстов в уголовном и гражданском судопроизводстве. Здесь понятие «экспертиза» не может использоваться ни в первом, ни во втором, ни в третьем значении. В первом – потому что необходимы специальные познания и компетентность, во втором – потому что, помимо компетентности, необходимы специальные способы анализа, и в третьем – потому что эти способы анализа основаны не на углубленной узкой специализации, а наоборот, на широком кругозоре и междисциплинарной интеграции, что связано со спецификой самой сферы гуманитарного знания.

В этих случаях, в отличие от перечисленных выше, однозначный ответ обычно невозможен, в лучшем случае возможен ответ вероятностный. Профессиональная компетентность эксперта важна, но, в отличие от предыдущего случая, не гарантирует достоверности результатов его экспертизы. Причин несколько: помимо принципиальной недостижимости однозначного ответа, дело в том, что все, что связано с поведением людей в контексте его причин и следствий для окружающих, не вписывается в рамки одной научной дисциплины. Психология, безусловно, занимает центральное место в решении этих проблем, однако одного психологического знания во многих случаях недостаточно. Для их решения приходится привлекать познания не только из разных гуманитарных наук (социологии, культурологии, права, экономики, лингвистики, этнологии), границы между которыми размыты и относительно, но и из ряда областей естествознания (биологии, медицины, географии и др.), опираться на междисциплинарные принципы философии, логики, системного анализа и др. Тем самым углубленные научные познания в какой-либо области не могут служить гарантией получения «правильного» ответа; еще меньше может служить такой гарантией что-либо еще. И если два одинаково уважаемых эксперта приходят к диаметрально противоположным выводам, причина этого не обязательно состоит в чьей-то недобросовестности или некомпетентности.

Эту разновидность экспертизы, которая строится на принципиально иных основаниях, чем узкоспециальная отраслевая экспертиза, мы называем комплексной гуманитарной экспертизой (КГЭ). Слово «комплексная» указывает на междисциплинарность анализа, «гуманитарная» – на то, что экспертиза имеет дело с действиями людей и их переживаниями. Предметом КГЭ выступает *реальное или возможное потенциальное влияние социальных событий на психологические процессы, свойства и состояния людей и влияние психологических процессов, свойств и состояний людей на социальные события* (Иванченко, Леонтьев, Сафьянов, Тульчинский, 2005). Именно этой форме экспертизы посвящена данная работа.

С одной стороны, спрос на экспертизу такого рода огромен в самых разных сферах общественной жизни. С другой, практика экспертиз подобного рода не опирается на какую-либо отчетливо сформулированную методологию и подвергается обоснованной и, пожалуй, неизбежной критике. Ненадежность, кажущаяся субъективность и произвольность, претензии на обладание неким высшим знанием – вот неполный перечень тех «родовых пятен», которыми отмечена экспертиза, по мнению ее критиков. Заказчики таких экспертиз (в том числе судебные органы) не имеют критериев выбора подходящих экспертов (за исключением ученых званий и степеней) и, что важнее, не имеют критериев оценки предоставляемых экспертиз. Сами эксперты, берущиеся за экспертные задачи, также не опираются на какую-либо методологию. Нередко экспертизу смешивают с консультированием, инспектированием, диагностикой, оценкой, мониторингом и со многими другими видами деятельности.

Главное, в чем авторы видят задачу данной работы, – методологически обосновать КГЭ как особую форму научного познания, отличающуюся от исследования, диагностики, консультирования и т. п. и подчиняющуюся определенным принципам и правилам. Такого рода обоснование даст инструменты как для обучения экспертной деятельности в системе последиplomного образования, так и для оценки заказчиками выполненных экспертиз на основании того, в какой мере представленный экспертом анализ соответствует требованиям, позволяющим отнести его именно к экспертной работе.

Авторы начинали эту работу в ходе выполнения проекта «Создание методики и разработка организационных механизмов психолингвистической экспертизы публикаций в средствах массовой информации» по Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)» под руководством проф. А.А. Леонтьева, явившегося ее вдохновителем. Проблемам методологии КГЭ был специально посвящен рабочий семинар, прошедший в Подмосковье в июне 2004 г., по итогам которого была опубликована программная статья (*Иванченко, Леонтьев, Сафуанов, Тульчинский, 2005*). Осенью того же года в Москве при поддержке Федеральной программы развития образования и Сообщества профессиональных социологов прошла конференция «Экспертное знание и его трансформации в современную эпоху». Она проходила в формате трех круглых столов: «Экспертное знание и его трансформации в современной России», «Экспертиза образовательных программ и проблемы институционализации экспертного знания в России», «Потенциал экспертизы: от констатации к опережающему реагированию». Доклады на этой конференции стали основой коллективной монографии «Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности» под редакцией Г.В. Иванченко и Д.А. Леонтьева (М.: Смысл, 2006), в которой был поставлен вопрос о преподавании методологии КГЭ и о создании общественной организации – Гильдии специалистов психологической и комплексной гуманитарной экспертизы.

Данное пособие представляет собой обобщение этого этапа работы и рабочую основу для практического внедрения КГЭ в образовательную, юридическую и другую социальную практику. При этом пока явно преждевременно пытаться внедрять гуманитарную экспертизу как обязательное требование. Отсутствуют технологические и кадровые предпосылки для повсеместного обязательного внедрения гуманитарных экспертиз, часто нелегко найти экспертов достаточного уровня квалификации. Отсутствие же экспертизы лучше, чем неквалифицированная экспертиза, поскольку в первом случае возникает осознание необходимости развития института экспертизы, а во втором случае, напротив, этот институт дискредитируется. Мы убеждены, что развитие института КГЭ в России должно идти не экстенсивным, а интенсивным путем, путем разработки ее научной методологии и создания небольшого количества межрегиональных центров обмена опытом, подготовки экспертов и супервизии их работы.

Пособие включает в себя четыре главы и два приложения. В первой главе сформулированы методологические основания комплексной гуманитарной экспертизы. Вторая и третья главы сфокусированы на двух конкретных областях, в которых вопросы гуманитарной экспертизы стоят наиболее остро, – юриспруденции и образовании. Четвертая глава посвящена вопросам подготовки экспертов-аналитиков. В приложении 1 представлена система технологических и процедурных требований к проведению экспертиз, а в приложении 2 – программа спецсеминара, апробированная авторами на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова в 2005 г. Хотя разделение авторства во многом условно, в основной своей части введение, главы 1 (кроме раздела 1.2) и 2 написаны Д.А. Леонтьевым, глава 3, разделы 1.2 и 4.1 – Г.В. Иванченко, разделы 1.7, 4.2 и приложение 2 – совместно обоими авторами, приложение 1 – Ф.С. Сафуановым. Авторы многим обязаны коллегам, которые самым непосредственным образом участвовали в упомянутой работе и идеи которых нашли свое прямое отражение в

данном пособии, – в первую очередь С.Л. Братченко, Ф.С. Сафуанову, Г.Л. Тульчинскому и В.А. Ясвину.

Глава 1

Основы методологии комплексной гуманитарной экспертизы

Хотя исключительная важность институтов гуманитарной экспертизы в постиндустриальном обществе не подвергается сомнению и в последние годы в России интенсивно развиваются различные формы экспертиз, бросается в глаза практически полное отсутствие их системной методологии, законодательного обеспечения и социально-организационных механизмов.

Единственный вид психологических экспертиз, обладающий юридическим статусом в настоящее время, – это судебно-психологические экспертизы в уголовном судопроизводстве (см.: Сафуанов, 1998; Ратинов, Кроз, Ратинова, 2005), хотя и здесь многие вопросы остаются не урегулированы. Статус экспертизы в гражданском и арбитражном судопроизводстве обладает еще большей степенью неопределенности, а экспертиза внесудебного характера (например, экспертиза управленческих решений, затрагивающих благополучие людей) практически полностью отсутствует. Что же касается методологии экспертной деятельности, существуют и успешно применяются алгоритмы экспертизы в отдельных сферах общественной практики, например, юридическая, финансово-экономическая, медицинская (в том числе психиатрическая), криминологическая и др. Однако специфика комплексной гуманитарной экспертизы, как будет подробно показано ниже, состоит в том, что КГЭ, в отличие от перечисленных видов отраслевых экспертиз, не поддается алгоритмизации. Если в отраслевых экспертизах обычно стоит задача поиска существующего правильного ответа на поставленный вопрос, (что требует достаточно глубоких специальных познаний), то КГЭ необходима в основном в ситуациях, где однозначного правильного ответа, выводимого из заданных условий, не существует в силу многоуровневости, сложности и междисциплинарного характера тех закономерностей, которые управляют интересующими нас процессами.

Предмет КГЭ мы определили во введении как *реальное или возможное (потенциальное) влияние социальных событий на психологические процессы, свойства и состояния людей и влияние психологических процессов, свойств и состояний людей на социальные события*. Но это влияние, в силу самой природы соответствующих процессов, не носит каузального (причинно-следственного) характера. Область практических задач, требующих оценки такого влияния, делает необходимой разработку специальной междисциплинарной методологии КГЭ, объединяющей возможности философии, социологии, психологии и некоторых других областей знания.

1.1. Общее представление об экспертной деятельности

Экспертиза (лат. *expertus* – опытный, от *expertiri* – пробовать, испытывать), по наиболее общим определениям, это исследование каких-либо вопросов, решение которых требует применения специальных познаний в определенной области (науке, технике, искусстве, ремесле и т. п.). Экспертизу проводит **эксперт** – сведущее лицо в какой-либо области, человек, обладающий специальными знаниями.

Экспертизу следует отличать от консультирования, инспектирования и научного исследования. Экспертиза есть разновидность исследования, проводимого компетентными специалистами, как правило, независимыми от заказчика экспертизы. В отличие от собственно научных исследований, в структуре ситуации экспертизы выделяются заказчик, служащий источником постановки задачи, и независимый от него эксперт, дающий ответы на поставленные вопросы, при необходимости выходя за их пределы. От инспектирования и консультирования экспертиза отличается независимостью эксперта, а также тем, что эксперт всегда представляет интересы истины, а не заказчика, и отношения заказчика с экспертом строятся принципиально иным образом, чем оказание экспертом услуг в интересах заказчика.

Как отмечает Г.Л. Тульчинский (2006), любая экспертиза – это социальная технология, обладающая рядом специфических особенностей:

- прежде всего, по своему «родовому признаку», по технологическому содержанию экспертиза представляет собой исследование;
- речь при этом идет об исследовании социально значимых проблем;
- оно осуществляется по заказу инстанций, принимающих решение и использующих при его выработке заключение экспертов;
- исследование проводится независимыми компетентными специалистами, опирающимися, помимо использования специальных методов, на свою профессиональную интуицию;
- итогом экспертизы является ответственное экспертное заключение, которое имеет решающее значение для принятия решения соответствующими инстанциями;
- экспертное заключение содержит факты, комментарии, объяснения;
- экспертное заключение носит доказательный характер, используемая в нем аргументация должна быть рационально выраженной в интересубъективной, то есть доступной общественности форме.

Необходимо различать специализированные отраслевые экспертизы и комплексную гуманитарную экспертизу (или КГЭ). К числу наиболее успешно работающих и обладающих хорошим юридическим обеспечением видов отраслевых экспертиз относятся судебно-психологические экспертизы в уголовном судопроизводстве (см.: Сафуанов, 1998). Существуют и успешно применяются алгоритмы экспертизы в отдельных сферах общественной практики, например, юридическая, финансово-экономическая, медицинская (в том числе психиатрическая), криминологическая (дактилоскопическая, баллистическая и т. п.), генетическая и др. Разновидностями отраслевых экспертиз являются также аудит, оценочная деятельность, прием экзаменов любого рода, кадровый ассессмент, медицинские комиссии. Все эти случаи характеризуются четко поставленными критериями оценивания, обычно зафиксированными законодательно (вменяемость, целевое расходование средств, уровень знаний в специальной области, экономия ресурсов, состояние здоровья и др.), отработанными процедурами и привлечением экспертов с глубокими специальными познаниями в данной области.

Наряду с подобными «одномерными» задачами, существуют задачи и гораздо более комплексного и неопределенного характера, при решении которых к экспертам обычно не обращаются просто потому, что задача не подпадает ни под один из известных видов экспертиз и

не поддается решению на основании сколь угодно глубоких узкоспециальных знаний в какой-либо одной области. Речь идет о любых масштабных изменениях, затрагивающих людей – тех, кто должен либо воспринять, понять и реализовывать некоторые проекты, либо испытывать на себе их последствия. Неумение и нежелание учитывать «человеческий фактор» – печальная отечественная традиция, несовместимая с целями модернизации, – отражается и на решениях, в основе своей неизбежных, но не продуманных во многих частных аспектах – вспомним хотя бы кампанию борьбы с алкоголизмом конца 1980-х гг., либерализацию цен в 1992 г. или недавнюю монетизацию льгот.

Гуманитарная экспертиза носит неизбежно междисциплинарный характер. В области гуманитарных наук нет жестких границ между разными научными дисциплинами. Когда мы, например, задаемся вопросом, к каким последствиям приводят те или иные слова или публикации, или вопросом, что хорошо для развития ребенка, ни одна научная дисциплина в отдельности помочь не может. Более успешны по сравнению с монодисциплинарными были попытки подойти к этим вопросам как к пограничным между двумя областями знания, например, в русле методологии психолингвистической экспертизы (Леонтьев А.А., 2008) или социально-психологической экспертизы (Ратинов, Кроз, Ратинова, 2005). Этот шаг в правильном направлении представляется, однако, недостаточным; необходима еще более широкая междисциплинарная интеграция. Идея такой интеграции была предложена, в частности, в концепции социогуманитарной экспертизы (Гиренко, 2002), хотя эту концепцию справедливо критикуют за методическую нечеткость и непроработанность (см., напр.: Ратинов, Кроз, Ратинова, 2005).

1.2. Место экспертных технологий в постиндустриальном обществе

Экспертные сообщества России и Запада прошли во многом разный путь самоорганизации, что связано с разным пониманием термина «эксперт» и с разной историей утверждения и использования этого термина в европейской, американской, российской культурах. Общим является у них следующее: а) эксперт выступает элементом «общества риска», когда последствия многих действий требуют многократной проверки, поскольку могут приводить к гораздо более серьезным и необратимым последствиям, нежели результаты деятельности человека в прошлом; б) существуют институционализированные механизмы оценки ситуации и лица, занимающиеся этой оценкой профессионально.

Рефлексия экспертов по поводу своей деятельности, развитая инфраструктура профессионального общения экспертов, множество центров, проводящих экспертизу и обучающих экспертов для самых разных организаций, практика вложения средств в экспертизу поля возможной деятельности и особенностей ее проведения, чтобы не тратить ресурсы на неэффективные проекты, – все это обыденность постиндустриального, но, увы, не постсоветского общества.

Именно технологичность процедуры проведения экспертизы при максимальной прозрачности принципов формирования экспертных групп, критериев и правил оценки, перечня применяемых методов и т. д. обеспечивает, с точки зрения экспертных сообществ Запада, защиту от вкусовщины, предвзятости и необъективности. Технологичность экспертизы обеспечивает ее объективность более, нежели субъективная честность каждого из участвующих в работе экспертов. Именно таким методологическим подходом объясняется существование множества открыто публикуемых руководств по подготовке экспертов и проведению экспертизы, руководств, в которых основным стержнем изложения является именно технологический процесс проведения экспертизы от момента поступления заявки, определения иерархии целей экспертизы, подбора группы экспертов, выработки стратегии данной экспертизы, иерархии способов и методов сбора информации, подходов к определению ее достаточности, надежности и к ее анализу, к методам измерения того, что оценивается, и т. д. – вплоть до обсуждения оформления и публикации отчета, представления результатов экспертизы заказчиком (с детализацией того, что и как сообщать заказчику). Каждый этап тщательно проговаривается в подобного рода руководствах, с точки зрения отечественного читателя – излишне подробно. Однако в западных руководствах определяется с максимальной детальностью каждое движение в направлении выполнения поставленной задачи, поскольку технологически правильно построенная работа по проведению экспертизы во многом служит гарантией ее доброкачественности (с точки зрения авторов-разработчиков таких пособий и их аудитории, которую во многом составляют студенты университетов, обучающиеся на специализациях, связанных с экспертизой). Наличие особых специализаций в университетах, большого количества пособий по проведению экспертизы характерно для практики развитых стран. Разрабатываются спецкурсы по отдельным этапам работы экспертов, пишутся такие пособия, как «Руководство по работе с трудными клиентами» (Understanding and Dealing... 1981), причем этой теме посвящается отдельный курс, подготовленный несколькими преподавателями.

В общем и целом в западных экспертных сообществах считается, что их открытость, ясность критериев, на основе которых проводится экспертиза, ясность принципов подготовки и легитимизации экспертов есть средство привлечения к проблемам экспертизы внимания общества, потенциальных заказчиков, придания данному экспертному сообществу авторитетности в международной и национальной структуре экспертной деятельности. Именно поэтому критерии, методы, принципы, примененные в той или иной экспертизе, обязательно прописываются в отчетных документах, причем довольно подробно и четко. Именно это делает обос-

нованными рекомендации, вырабатываемые на основе знакомства с ситуацией и ее экспертного анализа.

1.3. Специфика комплексной гуманитарной экспертизы

Гуманитарная составляющая присутствует во многих социальных проектах; особенно актуальна ее оценка в ситуациях масштабных изменений, в частности, при реформах любого рода.

Все экспертные задачи грубо можно подразделить на «деловые», связанные с эффективностью, и «коммунальные», связанные с благополучием (см.: *Зиновьев*, 2000, с. 133–138).

Первые связаны с вопросами, приведут ли данные действия к достижению определенных целей, каковы вероятность и условия, а также цена достижения этих целей. Вторые связаны с вопросами о смысле целей, цене и последствиях их достижения и недостижения, о побочных непреднамеренных эффектах их реализации. Деятельность может быть целесообразна, рационально выстроена, эффективна, экономична и поставленные цели успешно реализуются, но сам замысел может не решать проблемы или порождать больше проблем, чем решает. Плохо, когда лечение не приносит ощутимых результатов, но еще хуже, когда оно переносится тяжелее, чем болезнь. Задача экспертизы будет тогда заключаться в том, чтобы расширить контекст целеполагания. Так, Р. Оппенгеймер и А. Эйнштейн, расширив изначально технический контекст проекта создания атомной бомбы до ценностно-мировоззренческого, ввели в свои технические и естественнонаучные открытия гуманитарную составляющую. В принципе, эту составляющую можно усмотреть в любом проекте, если рассматривать его в достаточно общем контексте. Идея КГЭ расширяет само понятие экспертизы, показывая, что наряду с экономической эффективностью существуют не менее объективные критерии социальной эффективности. Можно говорить и про гораздо менее изученную, но вполне поддающуюся объективному определению персонологическую эффективность, в качестве критериев которой может выступать многоуровневая система индикаторов качества жизни (см.: *Зараковский*, 2009). Междисциплинарная по своей сути проблема качества жизни играет в вопросах КГЭ очень важную роль, которая еще не получила должного осмысления.

Таким образом, гуманитарные, или «коммунальные», вопросы связаны с более широким контекстом. Они касаются нанесения людям ущерба в разных его проявлениях – ущерба здоровью, собственности, душевному спокойствию, безопасности, нравственности, культуре, идентичности, целям и деятельности по их достижению, в конечном счете, качеству жизни. Эта группа вопросов нацелена на профилактику возможных неблагоприятных последствий для человека событий разного рода, которые не обязательно сводятся к утилитарной пользе или вреду. Так, спрос на высшее образование в Европе в значительной части диктуется не его значением для профессиональной работы и удовлетворения потребностей общественного развития, а его вкладом в личностное развитие, самореализацию и качество жизни индивидов. Подобные тенденции начинают появляться и у нас в стране, например, в отношении к психологическому образованию, мотивация получения которого все чаще не имеет отношения к перспективам профессиональной карьеры.

КГЭ становится необходимой и возникает тогда, когда будущее не воспроизводит прошлого, когда она носит «прогнозно-проективный характер» (*Тульчинский*, 2006). Это определяет как принципиальные ограничения КГЭ, так и ее стратегию – творческое конструирование сценариев развития множественно детерминированных процессов и событий, своего рода деятельность по производству предсказаний, которая включает в себя не только точную оценку тех или иных факторов и их возможных взаимодействий между собой, но и понимание того, какие вообще факторы требуют учета. Это понимание во многом связано с общей картиной мира эксперта, его жизненной философией, в не меньшей степени, чем с его практическим опытом работы.

1.4. Ценностные аспекты гуманитарной экспертизы

Гуманитарная экспертиза оценивает любую деятельность с точки зрения ее последствий для индивида и общества. При этом она должна исходить из того, что общество само по себе неоднородно, у разных субъектов взаимоотношений есть разные интересы и разные ценности. Вопросы об эффектах воздействия поэтому необходимо требуют дифференциации. Каждая социальная общность является субъектом своих интересов и действий. Поэтому, во-первых, любая социальная группа имеет право заказывать экспертизу с точки зрения своих интересов. Во-вторых, экспертиза должна учитывать базовые цели и ценности, не обязательно подразумеваемые заказчиком. В-третьих, экспертиза предполагает высокий уровень толерантности заказчика, поскольку работа эксперта часто не совпадает с интересами заказчика, точнее, с представлением заказчика о своих интересах.

Гуманитарная экспертиза характеризуется, в частности, тем, что в отличие от отраслевых видов экспертизы она обречена на выход за пределы поставленных технических вопросов и учет более широкого ценностного контекста. Она оценивает не только средства в их отношении к цели, но и цели в их отношении к общечеловеческим и культурным ценностям. Этот социокультурный и персонологический момент присутствует в гуманитарной экспертизе всегда (см. подробнее: *Тулъчинский*, 2006). В частности, в число базовых ценностей индивида и общества, которые любая междисциплинарная гуманитарная экспертиза должна принимать в качестве точек отсчета, входят ценности безопасности, свободы и развития. Иными словами, любые решения в социальной сфере, угрожающие ценностям безопасности, свободы или развития, должны расцениваться как по меньшей мере рискованные. Вместе с тем задачи, поставленные перед экспертом, могут и не затрагивать уровень базовых ценностей, и если эксперт не усматривает нарушения этих ценностей в самой постановке задачи, он должен работать на том уровне анализа, который ею задан. Хороший эксперт, однако, примет во внимание несоответствия и конфликты ценностных контекстов разных сторон взаимодействия и отразит их в своем анализе. «По самой своей сути гуманитарная экспертиза оказывается соотношением нормативно-ценностных комплексов различного уровня: национального, этнического, конфессионального, возрастного, профессионального и т. д.» (*Тулъчинский*, 2006, с. 22). Именно поэтому «она оказывается средством достижения баланса толерантности» – соотношения ценностей разных социумов и определения той меры, в которой реализация социумом своих ценностей не наносит ущерб другим (*Там же*, с. 23). Нужно следовать принципу «не навреди», однако не ограничиваться им, а сохранять и расширять возможности выбора – со всеми последствиями для того, кто этот выбор сделал. Любые решения, действия, рекомендации, направленные на то, чтобы сузить возможность выбора, возможность осознания, – манипулятивны и противоречат ценностным основам гуманитарной экспертизы, даже если они продиктованы, казалось бы, благими целями.

Вместе с тем принцип «не навреди» предполагает наличие субъекта соответствующей оценки – кто решает, принесут ли определенные действия вред тем или иным людям или нет? Многие задачи экспертизы связаны с вопросом «что такое хорошо и что такое плохо». Но кто является носителем этой истины? Раньше, в эпоху классической науки, когда критерии истины были однозначно заданы системой социальных ценностей и традиций, этот вопрос не вставал. Появление неклассической науки и культуры постмодернизма породило вопрос: почему мы опираемся именно на те, а не на другие критерии? – и было доказано, что никаких объективных оснований для этого нет – просто так сложилось исторически. Тем самым многое из того, что считалось истинным, было подвергнуто сомнению. Действительно, часто нелегко найти опору, когда мы решаем вопрос о том, что такое хорошо и что такое плохо, например, какую школу считать хорошей, а какую плохой, и что будет ребенку на пользу, а что нет. Родители,

практикующие телесные наказания, мотивируют их применение исключительно благом или пользой для наказываемых детей, хотя вред этой практики давно доказан наукой. С другой стороны, считать, что человек всегда сам в состоянии наилучшим образом оценить, что для него хорошо, а что нет, тоже было бы преувеличением. Двойственность или, в более общем случае, множественность субъектов оценки порождает специфическую область проблем КГЭ.

1.5. Субъективность и многозначность комплексной гуманитарной экспертизы

Как уже отмечалось, комплексная гуманитарная экспертиза требуется прежде всего в ситуациях неоднозначных, в которых не существует одного «правильного» ответа или решения. Разные решения влекут за собой как положительные, так и отрицательные следствия, одни из которых сравнительно легко предсказуемы, а другие прогнозировать невозможно. Более того, во многих ситуациях, требующих комплексной гуманитарной экспертизы, невозможно говорить о детерминации, прямой причинной связи. Одна причина взаимодействует с другими, и доказать напрямую, что именно породило некоторое событие, редко удается.

Конечно, эксперту приходится решать и задачи оценки того, что уже произошло или происходит, но чаще всего перед ним ставят задачи прогностические. Оценочные суждения неизбежно включают вероятностный прогноз, риск и многовариантность. Кажущаяся ненадежность, субъективность и произвольность гуманитарной экспертизы объясняются не только и не столько недостаточной методологической и методической оснащенностью экспертной деятельности, сколько ее природой и сутью. Отсюда же вытекают как принципиальные ограничения экспертизы, так и ее методология – творческое конструирование сценариев развития множественно детерминированных процессов и событий, своего рода деятельность по производству предсказаний, которая включает в себя не только точную оценку воздействия тех или иных факторов и их возможных взаимодействий между собой, но и понимание того, какие вообще факторы требуют учета.

Итак, эксперт нужен тогда, когда возникают вопросы, достоверный ответ на которые не может быть выведен дедуктивно из существующего на данный момент научного знания – из справочников, словарей, учебников, юридических норм. Там, где есть однозначная формула, которая позволяет делать выводы дедуктивно, по алгоритму, экспертиза не нужна. Чтобы констатировать то, что есть, не нужен эксперт, достаточно лаборанта. Этим же экзамен отличается от теста. При тестировании также не нужен эксперт, все происходит по алгоритму и, что самое важное, никто не несет за это ответственность. Принимая экзамен, преподаватель, напротив, решает задачу экспертной оценки знаний экзаменуемого и несет личную ответственность за выражение своего мнения в выставляемой оценке. Алгоритмизированный способ решения задач всегда догматичен: он исходит из одной конкретной, локальной, узкой постановки вопроса. Если используется тест, то этот тест ориентирован на совершенно определенные компоненты или уровни изучаемой способности и не может дать ничего сверх того, что в него заложено.

Закономерности «точных» естественных наук связаны с определенными уровнями движения материи, в которых проявляются законы природы, жесткие причинно-следственные связи; на них мы опираемся, в частности, в таких видах предметной экспертизы, как генетическая, баллистическая и т. п. В области гуманитарных наук таких однозначных связей практически нет. Во многом это связано с тем, что гуманитарные науки имеют дело с той реальностью, которая создана человеческим опытом, а она ничем жестко не обусловлена. Есть ли какая-то система причинных факторов, предопределивших то, что Толстой написал «Войну и мир»? Философ Михаил Эпштейн (2004) очень точно определяет область гуманитарных наук как область расходящихся дискурсов: гуманитарные науки имеют дело не с необходимым, а с возможным, и они описывают спектр возможностей, с которыми сталкивается человечество. Психология находится на границе естественных и гуманитарных наук, она, может быть, единственная наука, через которую проходит этот водораздел, поэтому она имеет дело и с тем и с другим.

Ответы гуманитарной экспертизы на поставленные вопросы обычно не носят характера однозначного определения причинно-следственной связи или констатации ее отсутствия. Как повлияет та или иная реклама на людей, какое произведет впечатление, как та или иная образовательная практика скажется на становлении личности детей – это вопросы, которые не имеют однозначного ответа. При первом, поверхностном взгляде можно говорить о вероятностном ответе: у какого-то количества людей это вызовет одни эффекты, у какого-то – другие. При более подробном анализе можно говорить о кондиционально-генетическом анализе, в терминах К. Левина (2001): *при каких условиях* причинный фактор окажет негативное влияние, при каких не окажет. Всегда, даже в экстремальных ситуациях, в условиях травмы и смертельной опасности, обнаруживается разнообразие реакций людей на одну и ту же ситуацию.

Смысл экспертной работы – это во многом расширение постановки вопроса; важно не столько дать ответы, сколько по-иному поставить вопросы. Хороший эксперт прежде всего рассматривает постановку вопроса. Изначально заказчики ставят вопрос достаточно узко, поскольку их видение проблемы ограничено. Эксперт обязан видеть разные грани проблемы, меняя и расширяя саму постановку вопроса. И даже если на заданный вопрос не удастся дать ответ, само изменение его постановки уже является ценным продуктом экспертной работы, позволяющим увидеть, что ситуация не столь проста и линейна, как представлялось вначале. То, в какой мере нужна экспертиза и какая именно экспертиза необходима, вытекает из понимания характера решаемой проблемы. Любая экспертиза должна начинаться с «паспорта проблемы», который характеризовал бы суть проблемы, поставленной перед экспертом.

Таким образом, *главным результатом работы эксперта или экспертов выступает разворачивание и экспликация разных, в первую очередь скрытых и неочевидных аспектов ситуации, рисков, связанных с разными сценариями, и цены, которую придется платить за те или иные выборы, делаемые в данной ситуации.* Подлинная экспертиза никогда не может быть ответом «как правильно» или «как оно есть на самом деле». Экспертную работу нельзя считать «поиском истины», потому что экспертиза нужна там, где истина не выводима непосредственно. И то, что заявляет эксперт, он не вправе представлять как «истину».

1.6. Ответственность в ситуации комплексной гуманитарной экспертизы

При анализе вопросов ответственности становится особенно очевидным отличие экспертизы от стандартного компьютерного алгоритма. Эксперт должен на уровне своей компетентности максимально полно раскрыть все возможные значимые контексты и следствия рассматриваемых событий и решений. Он отвечает за свой анализ ситуации, а также за то, чтобы его оценки, суждения и рекомендации были понятны заказчику. Серьезное обоснование экспертных суждений не является свидетельством того, что эксперт говорит «правду» или что его решение является правильным, оптимальным, но оно свидетельствует, что эксперт подходил к решению проблемы ответственно и компетентно, на основе максимально доступного в данный момент уровня знаний и методической оснащенности. Аргументация эксперта, его рациональные аргументы, которые он приводит в обоснование своего вывода, позволяют оценить, в какой степени его мнению стоит доверять. Хотя, с одной стороны, многое в работе эксперта основано на интуиции, с другой стороны, настоящий ученый в состоянии подвести рациональное обоснование под то, к чему он пришел на основе профессиональной интуиции. И, конечно, очень важный компонент экспертизы – обоснование экспертом цены, которая будет заплачена за те выборы и решения, о которых спрашивает заказчик. *Эксперт несет ответственность за полноту анализа, понятность и обоснованность своих суждений. Эксперт не несет ответственности за выводы и решения, которые будут сделаны на основе его суждений* – потому что эти выводы не обусловлены содержанием экспертных оценок, даже если всерьез считаются с ними.

Допустим, эксперт говорит, что из таких-то событий произойдут такие-то следствия при таких-то условиях с такой-то вероятностью. Следует ли дальше что-то делать или нет – ответственность за это лежит на заказчике экспертизы или другом лице, принимающем решение (для удобства примем, что это одно и то же лицо). *Принятие решения по итогам экспертизы – это не только и не столько интеллектуальный выбор, сколько принятие на себя ответственности за его последствия, включая готовность делать дальнейшие шаги по его реализации и платить за них необходимую цену.*

Именно заказчик, а не эксперт, располагает ресурсами и полномочиями, необходимыми для осуществления дальнейших шагов, и будет испытывать на себе последствия как ошибочных, так и правильных действий. Поэтому ответственность эксперта ограничивается чисто интеллектуальными аспектами анализа ситуации, а ответственность заказчика определяется прежде всего предпринятыми или не предпринятыми им действиями. Заказчик свободен в плане использования либо неиспользования результатов любой экспертизы. Это обстоятельство диктуется спецификой распределения ответственности в общении заказчика и эксперта. Заказчик также несет полную ответственность за свое решение учитывать или не учитывать предоставленные ему результаты экспертизы, и если учитывать, то в какой мере, а также за выбор экспертов или за решение не пользоваться услугами экспертов в конкретном случае.

Таким образом, методологический анализ комплексной гуманитарной экспертизы приводит к выводу о ключевой роли личности эксперта, что коренным образом отличает экспертизу от репрезентативных опросов (см. ниже). Вместе с тем большинство задач, требующих экспертного анализа, не предполагают однозначного «правильного» ответа и допускают широкую вариативность и ограниченную предсказуемость развития событий, даже если анализ производится наиболее компетентными экспертами. Поэтому эксперт вправе расширять постановку вопроса; он несет ответственность прежде всего за полноту и объемность своего анализа ситуации, обоснованность и ясность своих выводов и заключений. Ответственность за принимаемые решения, а также за использование или неиспользование возможностей и результатов экспертизы несет в полной мере лицо, принимающее решение в данной проблемной ситуации.

Оно же оценивает уровень допустимого риска при принятии решения. Эксперт в этой ситуации мог бы сказать о том, какие следствия будут вытекать из тех или иных решений, как и на какое количество людей это может повлиять. А заказчик в зависимости от своей собственной оценки уровня приемлемого риска делает окончательные оргвыводы.

1.7. Значение и особенности личности эксперта КГЭ

Экспертиза отличается от опроса или интервью тем, что в первом случае источником информации выступают *эксперты*, а во втором – *информанты*, или *респонденты*.

В имеющейся литературе по методологии психологии, педагогики и социальных наук отсутствует четкое разграничение этих понятий. Так, нередко экспертом называют любого информанта, к которому обращаются за суждением или который сам добровольно высказывает свои суждения по публично сформулированным, например выставленным в интернете, вопросам (см., напр.: *Шмелев*, 2006). Понятие «метод экспертных оценок» подразумевает именно такое, безгранично расширенное понимание «эксперта». Такое словоупотребление представляется крайне неудачным, потому что при нем утрачивается различие между двумя такими принципиально разными способами получения информации, как *собственно экспертиза в узком смысле слова* и *репрезентативный опрос*, который нередко тоже называют этим словом. В первом случае считается, что опрашиваемые – носители специального знания, доступного далеко не каждому, гарантиями чего является профессиональное обучение и опыт профессиональной деятельности в определенной области опрашиваемого, которого по этим критериям относят к экспертам. Заказчик специально отбирает таких людей, считая, что эксперт может сказать больше других. Во втором случае респондентами выступают случайно отобранные люди, а результатом опроса становится репрезентативное мнение, срез распределения мнений по популяции. Собственно эксперты вносят в него заведомый сдвиг, ибо их «субъективное» видение проблем «объективнее», то есть шире, глубже, дальше и объемнее, чем у среднего информанта. Мнение эксперта может даже прямо противоречить репрезентативному опросу: эксперты-астрономы Бруно, Галилей и Коперник, придя в рамках своей профессиональной компетенции к выводу, что Земля вращается вокруг Солнца, столкнулись с противоположным мнением популяции и не смогли при жизни доказать свою правоту. Но опрос общественного мнения на тему, что вокруг чего вращается, явно не заслуживает названия экспертного. То же относится и к другим ситуациям, хоть и не везде это различие выступает столь наглядно, как в приведенном примере. Оно тем очевиднее, чем сложнее и новее решаемая проблема.

Законодательство и неформальные правила общежития предполагают, что каждый вменяемый человек, который достигает совершеннолетия и становится юридически полноправным, должен обладать способностью анализа, прогноза и оценки связей своих действий с их последствиями, чтобы иметь возможность за них отвечать. По-видимому, к тем, кто профессионально занимается экспертизой, это требование относится в большей степени, нежели к тем, кому профессионально этим заниматься не приходится. Тем не менее в реальности далеко не все совершеннолетние люди являются психологически взрослыми, способными выполнять такой анализ и прогноз. Даже те, кто берется за профессиональную экспертизу, не всегда справляются с задачей анализа причинно-следственных связей, хотя в оправдание им можно сказать, что эти связи редко бывают прямыми, однозначными и о них можно говорить лишь с какой-то степенью определенности.

Одним из основных является вопрос о статусе эксперта. В российских текстах последних лет фигура эксперта становится почти сакральной, ему приписываются всевозможные положительные качества, к примеру: «Эксперт – это хороший аналитик, подлинный ученый-исследователь, блестящий администратор <...> искусный и мудрый оценщик, знаток нужной сферы, спец в определяемом научном и практическом пространстве, настоящий ас среди родственных профессионалов» (*Ярская*, 2003, с. 8). В российском сознании эксперт стоит выше профессионала.

В США и Западной Европе такого пиетета перед экспертом нет. Экспертом может стать любой человек с соответствующим образованием, поскольку «экспертным знанием» считается

любое знание в той или иной сфере, даваемое хорошей вузовской подготовкой. Многие университеты включают в свои рекламные материалы объявления о том, что они обеспечивают своим выпускникам именно такой уровень профессионализма. Вместе с тем для включения в полноправные члены экспертных сообществ требуется не только квалификация, но и опыт и – нередко – рекомендации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.